

Л. Н. ТОЛСТОЙ, КАК ПЕДАГОГ

М. КРОШКИНА.

Зав. учебной частью учительского института

В жизни Л. Н. Толстого педагогическая деятельность занимает видное место. Еще в 1848 г. т. е. значительно ранее чем было напечатано его первое литературное произведение, Толстой заболел об устройстве школ в своей местности. Последняя статья о воспитании была написана им в сентябре 1909 г. Таким образом на протяжении 60-ти лет с некоторыми перерывами продолжалась разнохарактерная педагогическая работа Толстого. Он выступает как рядовой школьный учитель, как педагог публицист и теоретик, как редактор педагогического журнала, как составитель азбуки и замечательных книг для чтения. Он делает попытки открыть в Ясной Поляне педагогические курсы. Но педагогические взгляды Толстого изменчивы, часто противоречивы.

«Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху». (Ленин, соч. т. XIV, стр. 402).

В 1859—1861 гг. взгляды Толстого на просвещение крестьян — это взгляды просвещенного помещика-филантропа. Эти устремления в художественном творчестве отразились в «Утре помещика», в педагогической деятельности — в устройстве яснополянской школы и попытках основать филантропическое общество народного образования.

Решив приняться за обучение детей в яснополянской школе, Толстой в июле 1860 г. едет за границу «с целью педагогического изучения» и там в Германии, Швейцарии, Франции и Англии изучает постановку народного образования. Буржуазная Европа и созданная на основе буржуазных отношений догматическая, закостенелая, убивающая детскую любознательность и активность школа производит на Толстого отталкивающее впечатление. «Стоит взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улице или в школе: то вы видите жизнерадостное любознательное существо с улыбкой в глазах и на устах, во всем ищущее познания, как радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своим языком; то вы видите измученное, сжавшееся существо, с выражением усталости, страха и скуки, повторяющее одними губами чужие слова на чужом языке».

Буржуазия ограбила народ в области культуры, которую поставила на удовлетворение своих прихотей. Правильно отмечая отрыв науки и искусства буржуазии от народных масс, Толстой однако не может понять истинных причин этого явления и ополчается против самой науки, техники и прогресса. Он утверждает, что книгопечатание не принесло народу никакой пользы, ни пахоть, ни делать квас, ни плести лапти, ни рубить срубы, ни петь песни, ни даже молиться не научился и не научится народ из книг. Толстой со всей силой своего огромного литературного таланта в первой же своей педагогической статье «Народное образование» (1862 г.) обрушивается с критикой на западную и русскую школу, отрицает культуру, науку и прогресс.

В этот период его интересуют преимущественно вопросы теоретической педагогики, он издает журнал «Ясная Поляна», где в ряде статей пытается определить цель и задачи воспитания и образования. Но разрешает он их неправильно в духе «свободного воспитания».

Толстой остро ощущает кризис и развал своей социальной группы, но не принимает новой складывающейся с развитием капитала социальной действительности, ломающей устои барской и крестьянской жизни, разрушающей былую патриархальность. Мучимый вопросами: как быть, зачем жить, он стремится уйти в незахваченный жизнью мир детей, найти здесь правду и гармонию.

Он идеализирует крестьянских детей, особенно ярко эти мысли выражены в статье «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят».

Вслед за Руссо он заявляет о совершенстве детской природы. «Человек рождается совершенным» есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это как камень останется твердым и истинным. Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, красоты и добра». Воспитание портит, а не исправляет человека, г. к., развивая ребенка путем воспитания, его удаляют от первообраза совершенства. Отсюда реакционная установка Толстого «Идеал наш сзади, а не впереди».

Исходя из этого убеждения о совершенстве детской природы, Толстой горячо защищает теорию «свободного воспитания» и стремится осуществить принципы «свободного воспитания» в яснополянской школе. Все обучение строилось на интересе детей. Ученикам предоставлялась полная свобода — посещать школу или нет. Приходя в школу, они могли не слушать урока. Предметы обучения устанавливались в зависимости от желания учащихся.

Например, ученики терпеть не могли грамматику, не любили историю и географию. И Толстой легко приходит к выводу, что историю и географию не надо изучать до университета. Ссылается при этом на Л. Жу. Простакову, кото-

рая освободила Митрофанушку от записей географией, т. к. кучер доведет куда будет учиться. «Сильней никогда ничего не было сказано против географии, и все ученые мира не в состоянии ничего ответить против такого несокрушимого довода. Я говорю совершенно серьезно» — добавляет Толстой.

Любимым занятием учащихся яснополянской школы было сочинение стихов. Составленные на неделю учителям планы по желанию учеников изменялись, расписание занятий хотя и имелось, но не выполнялось.

Уроков на дом не задавали, ученик, идя в школу, нес «только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе ныне будет весело так же, как вчера». Толстой был противник экзаменов, поощрений и наказаний.

Сам Толстой с увлечением занимался в школе, умев глубоко заинтересовать детей и пробудить их творчество. Яркими красками описывает он, как дети, замерев и затаив дыхание, слушают рассказ учителя и одна девочка «так и кажется каждое слово глотает». С подлинной любовью к детям, с большой нежностью и теплотой Толстой описывает свои прогулки и беседы с детворой вечером после занятий.

Царское правительство подозрительно смотрело на педагогическую деятельность Толстого. В Ясной Поляне и других подведомственных Толстому школах в его отсутствие были сделаны обыски. Это произвело тяжелое впечатление на Толстого.

С 1863 г. наступает почти десятилетний перерыв в педагогической деятельности Толстого. В это время он женится, уходит в семейную жизнь и работает над «Войной и миром». Но еще не окончив романа, он опять проявляет интерес к вопросам воспитания. В его записной книжке 1868 г. мы находим подробные наброски плана азбуки.

Осенью 1869 г., когда Толстой сдал в печать 6-й том «Войны и мира», он снова со всей энергией обратился к педагогике, работая преимущественно над вопросами методическими, как учить, чему учить. Составляет азбуку, четыре книги для чтения, курс арифметики. В течение целого года (1871) он напряженно работает над азбукой. Кроме переводов, переделок и оригинальных рассказов, Толстой готовит ряд научно-популярных рассказов из естествознания, просматривает множество учебников, советуется со специалистами, продельвает сам большую часть опытов, которые описывает.

Очень увлекся он и составлением арифметики. Лев Николаевич пишет Н. Н. Страхову (7 августа 1872 г.): «Я до одурения занимаюсь эти дни окончанием арифметики. Умножение и деление кончены и кончаю дроби. Вы будете смеяться надо мною, что я вывожу не за свое дело, но мне кажется арифметика будет лучше в книге». Желая поместить в книгах для чтения астрономические сведения, он занялся астрономией, проводя целые ночи в наблюдении за звездным небом. Он дает прекрасное переложение былин.

Л. Н. пишет Фету: «Азбука моя не дает мне покоя для другого занятия. Печатание идет черепашьими шагами и черт знает, когда кончится, а я все еще прибавляю и изменяю. Что из этого выйдет — не знаю, а положил я в него всю душу».

Азбука Толстого вышла из печати в 1872 году и в том виде она представляется сейчас библиографическую редкость. Свою азбуку Толстой расценивал очень высоко. «Я так уверен, что я воздвиг памятник этой азбукой», пишет он Страхову. Но Толстой ожидал, что она будет принята критикой недоброжелательно. Дело в том, что он в ней придерживался эстетского буквослагательного метода, в то время, как передовые педагоги перешли уже к обучению по методу звуковому. Но Толстой настойчиво отстаивает свою точку зрения и в

Московском Комитете грамотности. В конце 70-х годов целый ряд заседаний Комитета был посвящен обсуждению этого вопроса. Наконец, по предложению Толстого решено было устроить пробные занятия в школах по обучению детей грамоте тем и другим методом. Хотя опыт не подтвердил преимуществ буквослагательного метода, Толстой продолжал его отстаивать.

В 1875 г. он выпустил переработанную «Новую азбуку», которая выдержала свыше 30 изданий.

Особенным успехом пользовались его «Книги для чтения», каждая из четырех книг для чтения разошлась в миллионах экземпляров и выдержала свыше 30 изданий.

Гениальным художник слова в книгах для чтения дал прекрасный образец языка — художественного, доступного детям, но по содержанию эти книги совершенно непригодны: статьи пропитаны религиозными и мистическими установками, проповедуют гнилую христианскую мораль.

Известность Толстого, как педагога, начинает возрастать с середины 70-х годов, особенно после появления статьи «О народном образовании» (1874 г.). Педагогические взгляды Толстого к этому времени претерпевают значительные изменения. Если в начале 60-х годов идеализация ребенка привела его к теории «свободного воспитания», то в статье «О народном образовании» в 70-х годах он говорит: «нет другого критерия, как свобода учащегося, причем на место учащихся в деле народной школы становятся их родители, т. е. требования народа». О совершенстве детской природы Толстой уже не говорит, школьную работу основывает не на интересах учащихся, но считает с требованиями взрослых.

К 70-м годам Толстой нашел социальную группу, где влияние капитализма сказывалось еще слабо, где сохранились следы старой патриархальной жизни, идеал — крестьянство. Его формула «наш идеал сзади, а не впереди» приобретает иное содержание. «Сзади» — это уже не детство человека, но старая докапиталистическая жизнь крестьянина.

Теория «свободного воспитания», развиваемая Толстым, с самого начала обнаруживала противоречия. Проведя «свободное воспитание», Толстой с самого начала допустил одно исключение, он допускает один род насилия, это — насилие религией, которая по Толстому должна быть основой воспитания и должна изучаться детьми хотя бы и насильно.

В 70-х годах Толстой «свободное воспитание» понимает уже более ограниченно и узко, чем в начале 60-х годов. Он уже говорит, что граница свободы сама собой определяется учителем, что мера этой свободы есть только результат большего или меньшего знания и таланта учителя. Указывает, какими предметами заниматься, сколько времени и т. д.

Толстой в этот период считает, что «нужно предоставить народу свободу устраивать свои школы как он хочет и вмешиваться в самое дело устройства школ как можно меньше». Искренне желая помочь крестьянам, советуя им и отражая примитивную точку зрения отсталого крестьянства, Толстой предлагает строить мелкие (на 5-10 учеников) крестьянские народные школы, напминающие школы грамоты XVI-XVII вв. Помещаться эти школы должны не в специальных зданиях, а в крестьянских избах или хлебных сараях, можно обучать ребят даже по-череде; сегодня в одной избе, завтра в другой; за обучение каждого ребенка родители платят. Учителем может быть отставной солдат или дьячок (лишь бы подешевле). Изучать надо только русскую и славянскую грамоту и счет «и ничего кроме этого» подчеркивает Толстой.

С 90-х годов и до конца жизни педагогические взгляды Толстого отражают его религиозные устремления того вре-

мени, он еще более отходит от идеи «свободного воспитания».

В первый период своей педагогической деятельности Толстой резко отделял воспитание от образования, даже противопоставлял их одно другому: воспитывать детей недопустимо, ибо воспитывать — значит применять насилие. Сейчас он это разделение признает ошибкой и заявляет: «И воспитание и образование неразделимы» и делает ударение на воспитательных задачах школы.

В последние десятилетия Толстой по-прежнему с православием, разбирает лицемерную, гнусную роль церкви, но вместо нее проповедует роль более утонченную и более вредную религию. У него «борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, т. е. нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс». (Ленин, соч., т. XIV, стр. 401-402).

Толстой пишет в 1899 г.: «преподавание так называемого закона божия детям, которое совершается среди нас, есть самое ужасное преступление, которое можно только представить себе. Истязание, убийство, изнасилование детей — ничто в сравнении с этим преступлением».

Что же он предлагает?

В основу воспитания он ставит религию, из которой нужно взять только то, что обще всем религиозным учениям, религию, которая учит рабскому смиренному, непротивлению злу, которая уводит от общественной жизни, от классовой борьбы в мир внутреннего совершенства.

Анализируя педагогические взгляды Толстого, мы видим, как сильно критическая часть его педагогического учения, но правильного выхода из тупика, в которой была заперта школа, он найти не может. «Горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил, вместе с тем, в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигающегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю». (Ленин, соч., т. XIV, стр. 402).

Это определение В. И. Ленина полностью относится и к области педагогических воззрений Толстого. Горячо критикуя слабые стороны буржуазной школы и воспитания, организованного дворянства и буржуазией, Толстой зовет назад к школе патриархальной деревни.

Педагогические взгляды Толстого и его идея «свободного воспитания» не были восприняты передовой частью русского общества 60-х годов. Он идеалист, а наиболее демократические слои шестидесятников уже прониклись материалистическим миропониманием.

Толстой — противник прогресса — выдвинул положение: «наш идеал не впереди, а сзади». Демократическая интеллигенция звала вперед к социализму, высоко расценивая образование и просвещение народа, даже либеральная буржуазия звала к культуре Запада. Передовые демократы 60-х годов еще не были в плену обаяния гениального художника Толстого, отчетливо видели его консерватизм и резко его критиковали.

Чернышевский еще в 60-х годах понял реакционность многих педагогических положений Толстого, дал крайне резкую оценку его взглядов на народное образование с его защитой примитивной народной школы, решительно осудил его за преклонение перед «мудростью» отсталого крестьянства, указал на противоречия в педагогических взглядах Толстого.

Консервативная печать часто ссылалась на авторитет Толстого и в 60-х и 90-х годах. В конце 90-х и особенно в начале 900-х годов, в период подъема революционного движения, в противовес растущему правительственному гнету над школой интеллигенция популяризирует его идеи «свободного воспитания», педагогическая мысль вновь «открывает» его статьи 60-х годов. Толстой известен как великий художник слова, он известен как борец против государства и казенной церкви, и интеллигенция окружает его ореолом, освещая главным образом его критические идеи в области воспитания, рассматривая его только как представителя «свободного воспитания» и замалчивая реакционные стороны его педагогических воззрений.

Знакомясь с Толстым-педагогом и понимая, что «учение Толстого безусловно утончено и, по своему содержанию, относительно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова», (Ленин, соч., т. XV, стр. 102), понимая, что попытка идеализировать Толстого приведет бы большой вред, мы должны, критически подходя к его педагогическому наследию, уметь взять все ценное, не утрачивая значения для нашего времени. Ценно у него уважение к личности ребенка, чуткое, внимательное отношение к детским запросам, большое методическое умение увлечь детей ярким рассказом, захватывающей беседой на уроке, умение будить активность и творчество детей, умение увлечь педагогической работой, создать дружеские деловые отношения с учащимися. Педагогу необходимо ознакомиться с прекрасным языком его «Книг для чтения», где Толстой проявляет глубокое знание интересов и психики ребенка и свое изумительное мастерство гениального художника русского литературного слова.

ИНТЕРЕСНАЯ ВЫСТАВКА

У работников городской центральной библиотеки им. Н. К. Крупской установлена прекрасная традиция — устраивать выставки, посвященные юбилеям виднейших русских и иностранных писателей. За последнее время были устроены выставки о Бальзаке, Писареве, Рылеве и др.

17 сентября открылась очередная выставка, посвященная 30-летию со дня смерти одного из величайших писателей — Льва Николаевича Толстого.

На этой выставке посетитель может увидеть много ценного. Большой интерес представляют первые издания произведений Л. Н. Толстого, журналы, в которых впервые печатался он. Выставлено несколько номеров педагогического журнала «Ясная Поляна», редактируемого Толстым; знаменитая толстовская азбука, изданная в 1872 году. Здесь же можно увидеть рукопись костромича Виркова, известного биографа Толстого, которая была найдена при разборке запасного фонда. Она была написана к 30-летию юбилею со дня рождения Льва

Николаевича и впоследствии была издана отдельной книгой.

В следующей витрине можно видеть советские издания произведений Толстого. Прекрасно оформленные, в изящных переплетках они сразу бросаются в глаза при сравнении с серенькими, невзрачными дореволюционными изданиями. В этом ярко отражается все то значение, которое придается творчеству Толстого в нашей стране.

Большое количество иллюстраций демонстрирует перед посетителями важнейшие этапы жизни и творчества Толстого. Все они снабжены пояснительным и хронологическим текстом, цитатами из статей товарищей Ленина, Луначарского и др. Много дано рисунков к произведениям Толстого, среди них репродукции с картин «Отечественная война 1812 г.» худ. Верещагина.

С этой выставкой следует ознакомиться каждому студенту, учащемуся, всем тем, кто интересуется жизнью и творчеством Льва Николаевича Толстого.

Е. Осетров.
А. Чистяков.